НѢКОТОРЫЯ

ВЫПИСКИ

ИЗЪ БУМАГЪ

М. ДАНИЛЕВСКАГО.

(Aus den Papieren von M. Danilewski.)

Третье изданіе.

ЛЕЙПЦИГЪ:
Э. Л. Каспровичъ.

LEIPZIG:
E. L. Kasprowicz.

ОТРЫВОКЪ ПЕРВЫЙ.

Государь Петръ III имѣлъ любовницу, дурную и весьма глупую графиню Елисавету Романовну Воронцову; но ею, взошедъ на престолъ, не довольствовался, а вскорѣ всѣ хорошенькія женщины были подводимы подъ его вожделѣніе.

Алексѣй Ивановичь Глѣбовъ, тогда бывшій генералъ-прокуроръ и Петромъ III вскорѣ пожалованный въ генералъ-кригсъ-коммиссары, подвелъ падчерицу свою *Чоглоковну* (бывшую послѣ въ супружествѣ за Алек. Ник. Загряжскимъ), а Львомъ Алекс. Нарышкинымъ, приведена на ночь къ государю, Елена Степановна Куракина.

Безстыдство ея было таково (я самъ это слышалъ отъ него), что когда послѣ ея почеванія ночи, государь ее отвозилъ домой рано по утру, и хотѣлъ, для сохраненія ея чести, а болѣе, чтобы не узнала сіе графиня Елисавета Романовна Воронцова, ѣхать закрывши гардины кареты, она же напротивъ того, открывая гардины, хотѣла всѣмъ

показать, выглядывая изъ окна, что она съ государемъ ночь провела.

Примѣчательна ночь сія для Россіи (какъ сказывалъ мнѣ Дмит. Вас. Волковъ, тогда бывшій секретаремъ).

Петръ III, дабы сокрыть отъ Е. Р. Воронцовой, что онъ въ сію ночь будетъ заниматься Куракиной, сказалъ громко при графинѣ Воронцовой, что онъ имѣетъ съ нимъ сію ночь препроводить въ исполненіе извѣстное имъ важное дѣло въ разсужденіи благоустройства государства. Ночь пришла, государь пошелъ въ спальню, гдѣ уже была Куракина, сказавъ Волкову, чтобы онъ въ эту ночь написалъ извѣстный ему указъ.

Волковъ былъ отведенъ въ кабинетъ государя и запертъ съ датской собакой.

Не зная ни причинъ, ни намѣреній государя, не зналъ о чемъ писать — а писать надобно. Но какъ онъ былъ человѣкъ умный и догадливый, то вспомнилъ, что государь не рѣдко говорилъ съ нимъ о дарованіи *правъ вольности дворянству*. Сѣвъ, написалъ въ ночь манифестъ о семъ.

По утру, выпущенный изъ заключенія, поднесъ оный государю, который бывъ въ хорошемъ расположеніи духа, апробовалъ манифестъ и подписалъ. На другой день, манифестъ былъ обнародованъ.

Вотъ какому обстоятельству, русское дворянство обязано полученнымъ имъ правомъ.

Не токмо государь Петръ III по своему любострастью, всѣхъ окружающихъ его красивыхъ женщинъ употреблялъ, но и весь дворъ въ такое состояніе пришелъ, что каждый изъ придворныхъ, даже женатый, имѣлъ не закрытую свою любовницу; а жены ихъ не скрываясь ни отъ мужа, ни отъ родственниковъ искали себѣ любовниковъ.

Екатерина II имѣла множество любовниковъ, коихъ она часто перемѣняла. Тѣ которые долѣе другихъ пользовались ея ласками были: *Панинъ Потемкинъ* и *Орловы*. Они также имѣли подставныхъ своихъ кандидатовъ, за которыми, въ случаѣ отсутствія настоящаго любовника, посылали курьеровъ, даже въ дѣйствующую армію, во время войны.

Особая статсъ-дама (Перекусихина) должна была ихъ сперва испытывать на себѣ, и послѣ испытанія ходить съ докладомъ къ Екатеринѣ. Вотъ вся ея должность! за которую она получала награды болѣе другихъ, ведущихъ жизнь порядочную.

Можно положить основательно сіе время началомъ, въ которое жены начали покидать своихъ мужей. Вотъ нѣкоторые примѣры, которые я еще помню, и лица которые мнѣ были извѣстны. Иванъ Бутурлинъ, имѣлъ жену Анну Семенову; съ нею слюбился Степанъ Ѳедоровичь Ушаковъ и она

отошла отъ мужа своего и вышла за своего любовника и публично содѣявъ любодѣйственный сей бракъ, и противный церкви, благополучно жили, безъ нарѣканія отъ знакомыхъ и родныхъ.

Потомъ, Анна Борисовна, графиня Апраксина, рожденная княгиня Голицына, отъ своего мужа отошла. Разводъ сей былъ гражданскимъ судомъ утвержденъ. Мужа своего, за намѣреніе его, за такой ея поступокъ, ее оскорбить, посадили подъ стражу, гдѣ онъ долго содержался. Сама вышла за мужъ за Шувалова. Такихъ примѣровъ можно сотни сосчитать, но всѣхъ не припомню.

Петръ I видя, что законъ запрещалъ князю Никитѣ Ивановичу Репнину вступить въ 4й бракъ, *позволилъ* ему *незаконную* имѣть метрессу и дѣтей его подъ именемъ Репниныхъ признать *благородными*.

Такую же имѣлъ наложницу к. Ив. Юрьевичь *Трубецкой*, который бывъ въ плѣну у Шведовъ, и живя въ Стокгольмѣ, увѣрилъ ее, что онъ вдовъ и отъ нея имѣлъ сына, котораго именовали *Бецкимъ* и который признанъ дворяниномъ. Таковому примѣру послѣдуя, при царствованіи Елисаветы Петровны, выблядокъ к. Василія Влад. Долгорукова *Рукинъ* на равнѣ съ дворянами былъ производимъ. Алексѣй Даниловичь Татищевъ, не скрывая холопку свою, отнявшую у мужа жену, въ метрессахъ со-

держалъ и дѣти его *дворянство получили* и называются *Ртыщевыми.**)

А сему подражая, всѣ знатные дворяне стали жить съ любовницами и дѣтей ихъ правительство въ дворянствѣ утверждало. И такъ сихъ выблядковъ размножилось, что ихъ повсюду толпами видно. Такъ явились *Лицыны* (отъ Голицына), *Ранцовы* (отъ Воронцова), которые до знатныхъ чиновъ дослужились, и старались затмить честь законнорожденныхъ и столбовыхъ дворянъ, и даже надъ ними подсмѣхались, надъ святостью законовъ и моральными правилами благопристойности.

Екатерина II не имѣетъ материнскихъ чувствъ къ сыну своему, и объ всѣхъ за правило себѣ имѣетъ — ласкать и уважать человѣка пока онъ ей нуженъ, а потомъ, какъ выжанный лимонъ, бросать.

Примѣры тому суть:

Графиня *Дашкова,* способствовавшая къ вступленію ея на престолъ, впослѣдствіи впала въ немилость и сослана въ деревню на жительство.

Анна Алекс. *Матюшкина,* всегда и все время къ ней душею и тѣломъ преданая, была Екатериною загнана и отъ сей немилости умерла.

Графъ Никита Ивановичь *Панинъ,* усердный слуга Екатерины, былъ въ числѣ главныхъ заговорщиковъ

---

*) Отъ *Платона* Зубова, явились дворяне: *Платоновы.*

и помогавшій ей, словомъ и дѣломъ, завладѣть незаконно престоломъ, любовникъ ея, — въ старости былъ изгнанъ изъ двора съ отнятіемъ всѣхъ должностей, черезъ что, можетъ быть, и преждевременно умеръ.

Николай Ивановичь *Чичеринъ*, служившій ей со всѣмъ возможнымъ усердіемъ и бывшій въ большой милости, былъ подъ конецъ ею безпощадно гнанъ и отъ горя скончался.

Графъ Алексѣй Петровичь *Бестужевъ*, спомоществующій ей, когда она была вел. княгиней во всѣхъ ея намѣреніяхъ и претерпѣвшій за нее несчастіе, при концѣ жизни своей, всей ея довѣренности лишился и послѣ смерти его она его бранила.

К. Александръ Михайловичь *Голицынъ* фельдмаршалъ, безмолвный исполнитель всѣхъ ея велѣній, безъ сожалѣнія былъ ею гнанъ и умеръ, а она, извѣщенная по утру о его смерти, во весь день была весела и, бывъ вечеромъ въ концертѣ, выходя спросила своего любовника Ланского: „каковъ Алекс. Михайловичь?“ — получа извѣстіе о его кончинѣ, сдѣлала видъ что сожалѣетъ и заплакала — а сіе показываетъ какое фальшивое имѣла сердце. И многіе другіе.

Позволила противно закону браки, какъ то: кн. Орловы женились на своихъ двоюродныхъ сестрахъ. Князь Голицынъ тоже женился на своей близкой

родственницѣ; генералъ Бауръ женился на своей падчерицѣ. И можно сказать, что въ царствованіе ея, сія нерушимая подпора совѣсти и добродѣтели разрушена была.

Лесть была развита до высшей степени. Построитъ ли кто домъ, на данныя отъ нея, а больше на ворованныя деньги, зоветъ ее на новоселье, гдѣ на иллюминаціи пишетъ: *Твоя отъ твоихъ Тебѣ приносяще,* или подписываетъ на домѣ *щедротами Великія Екатерины,* или давая праздники ей, дѣлаютъ сады, сюрпризы, декораціи, вездѣ лесть и подобострастіе изъявляющіе.

Все дворянство, видя въ поведеніи такомъ одно счастіе и богатство, а женщины удовлетвореніе своего сладострастія, пустились по таковому пути. Видя храмъ сихъ пороковъ сооруженный въ сердцѣ Екатерины, всѣ старались ей подражать. Таковъ былъ знаменитый, и воспѣтый всѣми поэтами того времени *золотой вѣкъ Екатерины!*

ОТРЫВОКЪ ВТОРОЙ.

(Ночь съ 5 на 6 Іюля 1762 года.)

Государыня спала*). Пробило 2 часа по полуночи, когда пробудясь она увидѣла подлѣ своей кровати солдата**), который сказалъ ей: „ваше величество, не мѣшкайте ни минуты, слѣдуйте за мною“.

Сказавъ это онъ вышелъ.

Удивленная Екатерина кликнула Ивановну. Онѣ одѣлись просто, чтобы не быть узнанными.

Лишь только онѣ вышли изъ спальни тотъ же солдатъ сказалъ: „карета ожидаетъ васъ у самой калитки“. Императрица дошла до нея и сѣла. Орловъ занялъ мѣсто кучера и погналъ во весь опоръ, но лошади скоро устали и не могли бѣжать болѣе.

Они рѣшились итти пѣшкомъ хотя было далеко до Петербурга. Къ счастью имъ попалась телега. Императрица сѣла на нее вмѣстѣ съ Орловымъ.

---

*) Въ Петергофѣ.

**) Алексѣй Орловъ былъ тогда въ гвардіи солдатомъ.

Скоро они встрѣтили карету. Это былъ Григорій Орловъ. Онъ трепеталъ не видя долго государыни. Увидавъ ее, онъ посадилъ ее въ свою карету и поскакалъ въ Петербургъ, куда государыня и прибыла въ 7 часовъ утра 6 Іюля 1762 года.

Они пристали въ квартирахъ Измайловскаго полка, въ которомъ три роты были преданы ей и ожидали ея пріѣзда. Услышавъ стукъ экипажа, человѣкъ съ 30 гренадеръ выбѣжали ей на встрѣчу и вынули ее изъ кареты.

Екатерина видя такъ мало солдатъ изумилась, но потомъ сказала имъ: „Въ эту ночь царь хотѣлъ убить меня съ моимъ сыномъ, я спаслась бѣгствомъ и отдаюсь подъ вашу защиту“. Всѣ поклялись защищать ее или умереть. Гетманъ Разумовскій пріѣхалъ вскорѣ и собралъ прочихъ солдатъ, которые всѣ признали Екатерину своею государынею.

Разумовскій, ихъ полковникъ, призвалъ священника, который привелъ ихъ къ присягѣ. Нѣкоторые, изъ бывшихъ тамъ, осмѣлились провозгласить ее попечительницею, но устрашаемые Орловыми, замолчали и только было слышно: „Да здравствуетъ Екатерина! да здравствуетъ императрица!“

Вскорѣ полки Семеновскій и Преображенскій также присягнули. Офицеры стояли на своихъ мѣстахъ, какъ будто-бы готовились къ сраженію и только двое изъ нихъ: Преобр. полка маіоръ

Тепловъ и поручикъ *Пушкинъ* не были преданы императрицѣ.

Императрица приказала ихъ тотчасъ же посадить подъ арестъ и сказать имъ, что она въ нихъ не имѣетъ никакой надобности. Между тѣмъ какъ *Разумовскій, Волконскій, Брюсъ, Строгоновъ* и многіе другіе окружали императрицу, которая принимала присягу отъ полковъ, Григорій Орловъ поѣхалъ къ артилеристамъ, чтобы они тоже присягнули; какъ онъ былъ только казначеемъ, то никто не хотѣлъ слушать его, а требовали, чтобы онъ привезъ повелѣніе отъ *Вильбоа.* Орловъ поѣхалъ къ нему.

Генералъ Вильбоа былъ прежде любимецъ императрицы, но какъ скоро Орловъ сказалъ ему, что Екатерина приказываетъ ему идти съ полкомъ къ гвардейскимъ казармамъ, онъ спросилъ: „Развѣ императоръ умеръ? — Орловъ не отвѣчая повторилъ ему повелѣніе императрицы.

Удивленный *Вильбоа* послѣдовалъ за нимъ къ императрицѣ.

За множествомъ народа онъ едва могъ добраться до нее и удерживаемой еще присягою императору, онъ осмѣлился говорить о препятствіяхъ. Екатерина отвѣчала ему съ гордостью, что она призвала его не для того, чтобы слушать его совѣты“.

— „Я готовъ повиноваться в. в. отвѣчалъ

Вильбоа и немедленно воротился за полкомъ, раздавъ заговорщикамъ оружіе. Вскорѣ присягнули ей около 2,000 человѣкъ солдатъ и многіе Петербургскіе жители.

По совѣту Разумовскаго она поѣхала въ Казанскую церковь, гдѣ было все готово къ ея пріему.

Окна и двери домовъ были наполнены зрителями. Епископъ Новгородскій*), въ полновъ облаченіи и въ сопровожденіи множества священниковъ возложилъ на нее корону и провозгласилъ ее императрицей Россіи подъ именемъ Екатерины II, а Павла Петровича наслѣдникомъ престола.

Послѣ многолѣтія народъ кричалъ ура!

Послѣ этой церемоніи импер. пріѣхала въ дворецъ, гдѣ жила Елисавета. Всѣмъ было позволено входить къ ней и многіе приходили клястся ей въ вѣрности.

Не смотря на преданность народа, заговорщики безпрестанно осматривали городъ и поставили вездѣ караулы съ приказаніемъ никого изъ города и въ городъ не пропускать.

Князь Георгъ Гольштинскій, дядя императора, осмѣлился было появиться съ нѣкоторыми вѣрными ему солдатами, но его окружили, принудили сдаться, весьма грубо посадили на телѣгу и отвезли въ его домъ.

*) Гавріилъ.

Не только никто не противился Екатеринѣ, но даже никто изъ царскихъ друзей не думалъ увѣдомить его о происходящемъ въ Петербургѣ. Только одинъ парикмахеръ его *Брессанъ*, облагодѣтельствованный имъ, осмѣлился показать ему свою преданность. Онъ одѣлъ своего слугу мужикомъ и послалъ его съ письмомъ къ императору. Слуга успѣлъ выйти изъ Петербурга прежде чѣмъ поставили часовыхъ у заставъ и прибылъ въ Ораніенбаумъ, но не засталъ уже тамъ государя и принужденъ былъ воротиться въ городъ.

Все благопріятствовало Екатеринѣ. На Петергофской дорогѣ стоялъ полкъ въ 1,800 человѣкъ.

Какъ скоро полковникъ этого полка *Олсуфьевъ* узналъ о коронованіи Екатерины, онъ призналъ ее императрицею. Тотчасъ, по окончаніи присяги, онъ получилъ указъ Петра III слѣдовать съ полкомъ въ Померанію.

Солдаты отказались повиноваться и поспѣшили въ Петербургъ на помощь Екатеринѣ.

Къ вечеру у Екатерины было 14,000 войска; городъ былъ въ оборонительномъ положеніи, вездѣ царствовалъ строгій порядокъ.

Преданные ей увѣряли народъ, что царь хотѣлъ убить ее вмѣстѣ съ сыномъ и эта выдумка имѣла желанный успѣхъ.

Въ тотъ же вечеръ Екатерина послала ...

Павломъ Петровичемъ отрядъ подъ начальствомъ Панина.

Молодой наслѣдникъ испугался, слыша о намѣреніи государыни погубить его. Панинъ успокоилъ его и привезъ въ Петербургъ, гдѣ императрица вывела его на балконъ и показывала народу. Вскорѣ разнесся слухъ, что Петръ III умеръ и что тѣло его везутъ по городу.

Мертвое молчаніе заступило мѣсто криковъ.

Множество солдатъ, *переодѣтыхъ казаками*, послѣдуемые церемоніею священниковъ, воспѣвавшихъ гимны, провожали *нѣчто* посреди толпы черни. Это была *ложная* церемонія, чтобы увѣрить народъ въ смерти государя.

Главные заговорщики держали совѣтъ въ присутствіи государыни. Они рѣшили итти немедленно съ арміею противъ императора; но чтобы предотвратить нападеніе съ моря и успокоить солдатъ, государыня перешла въ старые деревянные покои на большой площади, гдѣ ее окружили войскомъ. Около полудня она издала слѣдующій манифестъ:

МЫ ЕКАТЕРИНА ИМПЕРАТРИЦА ВСЕЯ РОССІИ
И ПРОЧ. И ПРОЧ. И ПРОЧ.

Объявляемъ нашимъ вѣрноподданнымъ:

Всѣ сыны отечества недавно узнали погибель

1) Вѣра наша благочестивая была попрана: догматы церкви сокрушены и вскорѣ православная издревле установленная въ Россіи вѣра превратилась бы въ иностранную.

2) Слава Россіи, возведенная на высшую степень ея побѣдоноснымъ войскомъ и кровію пріобретенная, посвящена ея непріятелямъ постыднымъ миромъ, недавно заключеннымъ. Между тѣмъ какъ имперскія права, составляющія счастіе нашего отечества, попраны ногами. Тронуты опасностями угрожающими нашимъ подданнымъ и притомъ не могши отказать ихъ желаніямъ общимъ и частнымъ, мы взошли на нашъ императорскій престолъ.

ЕКАТЕРИНА II.

Между тѣмъ какъ въ народѣ читали этотъ манифестъ, императрица въ гвардейскомъ мундирѣ, взятымъ ею у молодаго *Талызина* и въ Андреевской лентѣ, вмѣстѣ съ Дашковой, также въ мундирѣ, проѣзжали по шеренгамъ.

Молодой Корнетъ конной гвардіи *Потемкинъ*, замѣтивъ, что у государыни нѣтъ шарфа, подъѣхалъ къ ней и подалъ ей свой. Тутъ то она примѣтила красоту его, которою въ послѣдствіе долгое время обладалъ ею.

Войскамъ безпрерывно выдавали вино и пиво. Они кричали ура! одни только конный полкъ, ко-

торымъ Петръ III командовалъ бывши еще в. к. и который при возшествіи его на престолъ переименовалъ въ гвардію, ни мало не участвовалъ въ общей радости.

Офицеры отказались присягать и повиноваться Екатеринѣ, были посажены подъ арестъ — солдаты молчали. Ихъ нечего было опасаться, и войска начали выступать изъ Петербурга противъ Петра III.

Екатерина все знала и все видѣла и спокойно сидѣла у окна, чтобъ народъ могъ ее видѣть. Петръ III ничего не зналъ о происходившемъ въ столицѣ.

Безпечность его была столь велика, что онъ посадилъ подъ арестъ ему преданнаго офицера, который пріѣхалъ ночью въ Ораніенбаумъ, чтобы извѣстить его обо всемъ.

Императоръ отправился со всѣмъ дворомъ въ Петергофъ праздновать тамъ съ пышностью свои имянины. Множество каретъ поѣхало за царскою, — никто не думалъ о предстоящей бурѣ, всѣ говорили объ ожидаемыхъ удовольствіяхъ.

Вдругъ Гудовичъ, ѣхавшій впереди, встрѣтилъ камердинера Екатерины *Измайлова,* который спѣшилъ на встрѣчу государю, увѣдомить его о бѣгствѣ Екатерины и объ опасности. Съ этою новостью Гудовичъ поспѣшилъ къ государю и поравнявшись съ его каретою приказалъ кучеру остановиться.

Удивленный государь не подозрѣвая за чѣмъ генералъ-адъютантъ остановилъ его, сказалъ съ сердцемъ: „дуракъ ты что ли?..“ Гудовичъ вышелъ изъ кареты и сказалъ ему, что то на ухо. Встревоженный Петръ III тотчасъ выскочилъ изъ кареты, попросилъ сидѣвшихъ съ нимъ дамъ выдти и итти пѣшкомъ, обѣщая ихъ найти въ саду, а самъ съ нѣкоторыми придворными весьма скоро поѣхалъ. Пріѣхавъ въ Петергофъ государь пошелъ прямо на половину Екатерины; въ первомъ жару безпокойства онъ искалъ ее по всѣмъ комнатамъ, думая что она спряталась гдѣ нибудь. Онъ дѣлалъ всѣмъ вопросы, но никто не смѣлъ отвѣчать ему.

Въ это время *Воронцова* съ нѣкоторыми дамами пришли изъ саду, не зная еще причины принудившей государя разстаться съ ними. Государь сказалъ ей: „Елисавета Романовна! повѣришь ли мнѣ теперь, что Екатерина ушла; я тебѣ не разъ говорилъ, что она на *все* способна“.

Въ это время слуга, посланный Брессаномъ, прибылъ къ государю и отдалъ ему письмо.

Изъ письма государь узналъ обо всемъ, происходившемъ въ Петербургѣ, также и о коронаціи Екатерины въ Казанскомъ соборѣ.

Государь, пораженный этою новостію, остался безмолвенъ.

Изъ придворныхъ всѣ молчали. Наконецъ одинъ

только *Воронцовъ* сказалъ: „Государь! безъ сомнѣнія Екатерина успѣла возмутить народъ и солдатъ, но все это можно еще разрушить. — Если позволите мнѣ тотчасъ ѣхать въ Петербургъ, я насильно привезу Екатерину къ вамъ“.

Петръ III съ радостью согласился. Министръ поѣхалъ въ столицу. Войдя въ дворецъ онъ нашелъ Екатерину, окруженную толпою преданныхъ ей. Онъ говорилъ ей объ опасности какой она подвергается и проч. и наконецъ заключилъ такъ: „Гвардія не составляетъ всѣ царскія войска, и жители Петербурга не составляютъ Россіи“. Екатерина отвѣчала:

„Видишь ли ты, не я сама принимаю корону, но Россіяне *принудили* меня принять ее“.

Послѣ сихъ словъ канцлеръ забылъ свой долгъ и принялъ присягу. Екатерина позволила ему итти домой съ конвоемъ для его безопасности.

Въ 6 часовъ вечера Екатерина сѣла на лошадь въ другой разъ и со шпагою въ рукѣ, въ сопровожденіи Дашковой, Разумовскаго и другихъ, выѣхала къ войскамъ.

Ея армія соединилась съ 3,000 козаковъ, которые по приказанію государя отправлялись въ *Померанію,* но были остановлены и направлены въ Петербургъ гетманомъ.

Какъ скоро канцлеръ уѣхалъ, Петръ III совер-

шенно предался печали. Отъ окружающихъ его дамъ и молодыхъ придворныхъ, онъ не могъ ожидать совѣта и утѣшенія. Петръ ходилъ большими шагами по саду и придумывалъ средства для своего спасенія, но не могъ остановиться ни на одномъ; то проклиналъ Екатерину, то хотѣлъ просить у ней прощенія. Насталъ часъ обѣда, государь приказалъ приготовить столъ у моря, и казалось былъ спокойнѣе, но вскорѣ опять задумался. Онъ послалъ повелѣніе въ Ораніенбаумъ 3,000 Голштинцамъ, прибыть къ нему немедленно съ артиллеріею. Минихъ, котораго государь уважалъ за введенный имъ воинскій порядокъ и прусскія экзерциціи, по приходѣ войскъ сказалъ ему: „Царь! ваши вѣрные войска пришли, примите надъ ними начальство и идите въ столицу, тамъ есть у васъ друзья, какъ скоро вы покажетесь, то пойдутъ противъ Екатерины; увѣряю васъ, бунтовщики не устоять и вы останетесь побѣдителемъ; не мѣшкайте!“

Это намѣреніе было принято государемъ; они пошли уже къ войскамъ, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что Екатерина съ 20,000 идетъ противъ императора.

Дамы всегда ѣздившіе къ нимъ предлагали воротиться въ Ораніенбаумъ.

„Хорошо“ сказалъ Минихъ „но ни Рамбовъ ни Петергофъ не могутъ выдержать осады, одинъ Крон-

штатъ можетъ быть полезенъ; онъ еще въ вашей власти, тамъ есть флотъ и сильный гарнизонъ и оттуда могли бы вы идти въ Петербургъ или, въ случаѣ неудачи, ѣхать въ Померанію".

Это мнѣніе было принято немедленно. Генерала *Сиверса* послали туда комендантомъ и между тѣмъ какъ готовились къ отъѣзду двѣ яхты, изъ Кронштата пріѣхалъ офицеръ съ извѣстіемъ, что Кронштатъ еще во власти государя.

Вскорѣ государь увидѣлъ войска Екатерины и удалился отъ береговъ. Казалось что въ эти минуты всѣ несчастія обратились на голову монарха. Черезъ нѣсколько часовъ все перемѣнилось.

Въ первые часы суматохи въ Петербургѣ никто не думалъ о Кронштатѣ; уже послѣ полудня вспомнили объ этомъ важномъ мѣстѣ и почувствовали всю сдѣланную оплошность.

Тотчасъ отправили туда адмирала *Талызина* принять начальство. *Талызинъ* употреблялъ всѣ средства, чтобы пріѣхать скорѣе, и черезъ полтора часа поспѣлъ туда, но *Сиверсъ* былъ уже тамъ и ожидалъ императора.

Онъ пришелъ къ Талызину и спросилъ его, не держитъ ли онъ стороны Екатерины?

Талызинъ отвѣчалъ: что находясь въ загородномъ домѣ узналъ о возмущеніи и по долгу своему пріѣхалъ въ Кронштатъ принять команду. *Сиверсъ*

ему повѣрилъ и Талызинъ пошелъ немедленно въ казармы къ матросамъ, пересказалъ имъ о возмущеніи въ Петербургѣ, выставилъ имъ бочку вина, раздалъ имъ деньги и вскорѣ склонилъ ихъ на сторону Екатерины. Нѣсколько солдатъ съ Талызинымъ бросились на *Сиверса* и арестовали его.

Потомъ адмиралъ привелъ весь Кронштатъ въ оборонительное положеніе.

Въ это время пріѣхалъ государь, но Талызинъ успѣлъ уже отдать приказъ не впускать его.

Часть войскъ была на крѣпости и пушки заряжены, когда яхты стали на якорь.

Государь сѣлъ на шлюпку, поѣхалъ къ Кронштату.

У воротъ часовой спросилъ: кто гребетъ? Государь отвѣчалъ со шлюпки: „императоръ!“

У насъ нѣтъ императора, возразилъ солдатъ часовой.

Петръ III встаетъ съ мѣста разкрываетъ плащъ и говоритъ: „Неужели вы меня не узнали!“

Тысяча голосовъ закрычали: „Нѣтъ у насъ императора, да здравствуетъ Екатерина!“

Талызинъ кричалъ ему, что онъ пуститъ его ко дну, если онъ осмѣлится подойти ближе.

Государь не зналъ, что ему дѣлать.

Гудовичъ предлагалъ ему взобраться на крѣпость, говоря: никто не осмѣлится коснутся къ вамъ, и

Кронштатъ останется въ вашей власти. Минихъ одобрилъ этотъ совѣтъ, но все было напрасно!

Государь, въ страхѣ думалъ только о бѣгствѣ и о спасеніи, воротился на яхту и ушелъ въ каюту.

Отрубили канатъ и начали удаляться на веслахъ.

Скоро яхра отъѣхала отъ порта, гребцы остановились; ночь была прекрасная.

Минихъ и Гудовичъ тихо разговаривали на палубѣ.

Штурманъ вошелъ въ каюту и спросилъ государя, куда онъ прикажетъ везти себя.

Петръ велѣлъ позвать Миниха. Государь сказалъ: „Я чувствую справедливость твоихъ совѣтовъ, но теперь уже поздно! До какой крайности я доведенъ!“ Минихъ отвѣчалъ: ступайте немедленно на соединеніе съ Ревельскою эскадрою, возмите тамъ корабль и переѣдемъ на немъ въ Померанію. Тамъ примите начальство надъ вашею арміею и войдите снова въ Россію. Я обѣщаюсь въ 6 недѣль завоевать Петербургъ и покорить остатокъ Россіи“.

Женщины и придворные представили государю, что гребцы устали и не могутъ болѣе грести.

„Хорошо, сказалъ Минихъ, мы будемъ помогать имъ“.

Но этотъ совѣтъ не могъ нравиться вѣроломному двору. Старались его увѣрить, что опасность не

такъ велика, какъ онъ думаетъ, что Екатерина желаетъ помириться съ нимъ, а не воевать.

Слабый государь повѣрилъ имъ и не разсуждая приказалъ грести къ Ораніенбауму.

Въ 4 часа утра пристали къ берегу.

Императоръ заперся въ своемъ кабинетѣ и тайно писалъ письмо къ Екатеринѣ. Въ 10 часовъ вышелъ оттуда съ покойнымъ лицемъ. Гольштинскіе солдаты воротились изъ Петергофа. Они цѣловали руки императора, обѣщались за него умереть.

Старый Минихъ старался при этомъ случаѣ уговорить государя къ защитѣ, но ни совѣты, ни благодарная признательность Гольштинцевъ не могли тронуть павшаго духомъ императора.

Императрица съ арміей остановилась у *краснаго кабачка* и провела ночь на плащахъ офицерскихъ, въ избѣ.

На разсвѣтѣ Григорій Орловъ, съ другими, осматривалъ окрестности Петергофа.

Въ 5 часовъ государыня двинулась съ войскомъ къ Сергіевской пустыни, гдѣ опять былъ отдыхъ.

Тутъ она получила письмо императора, въ которомъ онъ просилъ ее царствовать вмѣстѣ. Екатерина не отвѣчала, а снова выступила къ Петергофу.

Царь, узнавъ о приближеніи Екатерины, приказалъ осѣдлать лошадь и хотѣлъ бѣжать въ Польшу,

но, всегда нерѣшительный отдумалъ, и велѣлъ приготовить къ защитѣ валъ около дома.

Между тѣмъ онъ написалъ къ Екатеринѣ другое письмо, въ которомъ онъ съ умиленіемъ просилъ милости и позволенія удалиться въ Гольштинію, отрекаясь отъ короны.

Екатерина и на это письмо не отвѣчала, но переговоривъ съ пріѣхавшимъ съ письмомъ камергеромъ Измайловымъ, отправила обратно къ государю.

Измайловъ нашелъ Петра III окруженнымъ 600 Гольштинцами.

Государь заперся въ своемъ кабинетѣ. Измайловъ совѣтовалъ ему оставить войско и идти къ императрицѣ, увѣряя его, что его хорошо примутъ и во всемъ удовлетворятъ.

Петръ задумался.

Вѣроломный Измайловъ сказалъ: „Если вы не явитесь, то гибель ваша неизбѣжна“.

Государь тотчасъ же сѣлъ въ карету съ *Воронцовой* и *Гудовичемъ* и поѣхалъ въ Петергофъ.

Несчастный мнилъ еще, что униженіе его тронетъ Екатерину.

Но какъ обманулся онъ!

Когда карета проѣзжала мимо войска, стоявшаго по дорогѣ, отвсюду слышны были радостные крики: Да здравствуетъ Екатерина!

Петръ предался отчаянію.

Когда онъ выходилъ изъ кареты, солдаты увлекли Воронцову, сняли съ нее ленту, которая была пожалована Екатериною Дашковой.

Гудовича тоже увлекла гвардія съ крикомъ, но онъ не потерялъ присутствія духа и укорялъ бунтовщиковъ въ измѣнѣ законному государю.

Петра ввели въ верхніе покои, отобрали всѣ знаки его достоинства, сняли съ него все платье, и оставили въ одной рубашкѣ и босикомъ.

Изъ кармановъ вынули много драгоцѣнныхъ каменьевъ и денегъ. Надѣли на него худой халатъ и заперли одного въ комнатѣ, къ дверямъ приставили караулъ. Отъ государыни присланъ былъ къ нему гр. Панинъ, долго говорилъ съ нимъ на единѣ, и наконецъ, вышедъ съ нимъ въ другую комнату, сказалъ громко: арестъ вашъ не будетъ продолжителенъ, и что Екатерина намѣрена его отправить въ Голштинію. Къ этому онъ присоединилъ множество обѣщаній, изъ которыхъ ни одно не было исполнено, и въ заключеніе заставилъ его подписать слѣдующее отреченіе:

„Въ малое время моего владѣнія Россіею, я замѣтилъ, что не соотвѣтствую бремени правительства сею имперіею.

„Для того, дабы не привесть въ упадокъ оную и тѣмъ не покрыть себя стыдомъ, я снимаю съ себя достоинство императора, возвѣщаю всей имперіи

и всему свѣту, что отнынѣ отъ императорскаго Россійскаго трона отрекаюсь и не буду ни въ какой формѣ правленія учавствовать, равно и вновь требовать, въ чемъ клянусь предъ Всемогущимъ Богомъ, и собственною своею рукою сіе отреченіе подписываю".

Петръ III.

Петергофъ, 7 Іюля, 1762 года.

Взявъ это отреченіе Панинъ оставилъ государя. По уходѣ Панина Петръ казался спокойнѣе.

Спустя нѣсколько времени, по приказанію Екатерины, офицеръ съ конвоемъ взялъ сего несчастнаго монарха и перевезъ въ Ропшу. Между тѣмъ Петербургъ еще сомнѣвался въ успѣхѣ Екатерины; у Петра были еще друзья, и еслибы онъ былъ рѣшительнѣе и предпріимчивѣе, то успѣлъ бы снова завладѣть столицей.

Екатерина явилась въ Петергофъ не такъ какъ до своего бѣгства въ Петербургъ, но уже какъ повелительница Россіи.

Придворные ей льстили.

Миниха, какъ плѣннаго, представили къ ней.

Екатерина сказала ему:

„Фельдмаршалъ, вы хотѣли воевать противъ меня?"

„Да, государыня, отвѣчалъ онъ, долгъ и честь обязывали меня быть вѣрнымъ моему государю и

защищать его права; теперь вы найдете во мнѣ туже преданность, какую я доказалъ ему".

Послѣ полудня Екатерина возвратилась въ Петербургъ.

Въѣздъ ея былъ тріумфальный.

Она ѣхала верхомъ, окруженная заговорщиками.

Священство встрѣтило ее у воротъ.

Она сошла съ лошади — народъ подходилъ къ рукѣ ея.

Не всѣ еще признали Екатерину императрицею. Нѣкоторые полки, часть народа и матросы, узнавъ обстоятельства о всемъ, начали роптать и возмущаться.

Опасались также противудѣйствія со стороны Москвы.

Для прекращенія предстоящихъ безпорядковъ необходима была смерть Петра III.

Государь, въ своемъ новомъ заключеніи, увѣренный въ справедливости обѣщаній Панина, ожидалъ своего освобожденія. Онъ просилъ Екатерину прислать ему негра, который его забавлялъ, его любимую собаку, скрипку, романъ и нѣмецкую библію.

Ему ничего не дали, смѣялись надъ его намѣреніями, и въ замѣнъ всего, прислали къ нему убійцъ.

Петръ III во время своего заключенія въ Ропшѣ, ни отъ кого не принималъ никакого питья, кромѣ любимаго своего лейбъ-медика Лидерса (родомъ Гольштинца и дѣда нынѣшняго командира 5 пѣхотнаго корпуса), который не оставлялъ государя ни на минуту.

Передъ сей катастрофой, его убѣдили отправится къ больному. Лидерсъ возвратясь нашелъ Петра III еще въ живыхъ, но не былъ допущенъ къ поданію помощи. Онъ отказался присягать Екатеринѣ II и до самой смерти оставался въ Россіи и всю жизнь не присягалъ Екатеринѣ II.

Орловъ и *Барятинскій* привели съ собой 4 солдатъ Преображенскаго полка.

Трое изъ нихъ получили офицерскіе чины и пенсіи, отправлены были на службу въ дальніе гарнизоны, а четвертый *Берлюковъ*, угрызаемый совѣстю, поселился около Москвы и основалъ пустынь (смотри *Берлюковская* пустынь въ энциклопедическомъ лексиконѣ) и до самой смерти, въ день катастрофы являлся, какъ укоръ къ графу Орлову.

Въ назначенный день приведенія въ исполненіе заранѣе составленнаго плана, вошли къ государю Алексѣй Орловъ и офицеръ Тепловъ. Они увѣрили государя, что его скоро освободятъ, и просили позволенія отобѣдать съ нимъ.

Когда подали по русскому обычаю водку — Тепловъ заговорилъ съ государемъ, а Орловъ успѣлъ между тѣмъ влить въ рюмку отраву, приготовленную заранѣе однимъ медикомъ. Петръ ничего не подозрѣвая принялъ отъ Орлова рюмку и выпилъ ее разомъ.

Скоро ядъ началъ дѣйствовать. Государь узнавъ истину съ крикомъ отъ боли и ужаса близкой смерти просилъ у нихъ молока, но они съ насмѣшками предлагали ему яду. Императорскій слуга, родомъ Французъ, душею преданный царю, прибѣжалъ на шумъ. Петръ III увидя его вскричалъ: „мало того, что я упустилъ право на Шведскій престолъ, что лишили меня Россійской короны, теперь отнимаютъ у меня и самую жизнь!“

Слуга осмѣлился подать помощь государю, но Орловъ выгналъ его вонъ*) и снова продолжали мучить государя. Въ то время пришелъ караульный офицеръ, младшій изъ князей Барятинскихъ (бывшій впослѣдствіи французскимъ посланникомъ). Орловъ повалилъ государя на полъ и наступя колѣнками на грудь одною рукою давилъ ему горло, а другою притиснулъ ему голову. Тепловъ и

*) Слугу привезли въ Петербургъ, гдѣ священникъ взялъ съ него клятву, что онъ никогда не откроетъ того что видѣлъ. Можно ли сдержать такую клятву?

Барятинскій помогали Орлову и сдѣлавъ петлю удавили сего несчастнаго императора. Петръ нѣсколько времени боролся съ убійцами и Барятинскій вынесъ изъ этого подвига рубецъ на лицѣ, долго напоминающій ему его измѣну.

Графъ Орловъ тотчасъ же написалъ письмо къ Екатеринѣ и часа черезъ два послѣ поскакалъ самъ въ Петербургъ.

Екатерина по пріѣздѣ Орлова заперлась съ нимъ, съ Панинымъ, Разумовскимъ, Гудовичемъ и другими и долго разсуждали какъ объявить народу о смерти государя. Положили обнародовать въ слѣдующій день. Екатерина обѣдала въ виду народа и была очень весела. На другой день государыня до самаго вечера притворялась ничего незнающей о смерти государя.

Во время стола ей объявили, что императоръ скончался. При этомъ извѣстіи она залилась слезами и показала всѣ знаки печали. Нѣсколько дней она не выходила изъ своей комнаты, издала манифестъ о смерти государя скончавшагося отъ геморроидальной колики, которой онъ страдалъ нѣсколько лѣтъ сряду.

Указъ заключалъ просьбу къ народу молить всевышняго о душѣ императора и дабы Богъ послалъ ей силу выдержать тяготу правленія.

Тѣло Петра III черезъ 3 дня было перевезено

въ Петербургъ и поставлено въ Александро-Невскомъ монастырѣ, гдѣ всѣ могли прощаться съ нимъ.

Лице покойника было черно, изъ всѣхъ поръ тѣла выходила какая-то кровяная влажность.

Тѣ, которые прикладывались губами къ трупу императора, увѣряютъ, что чувствовали послѣ опухоль на губахъ своихъ, такъ силенъ былъ ядь.

Въ день погребенія смутенъ былъ народъ въ Петербургѣ, окружали войско шедшее за гробомъ и укоряли ихъ въ пролитіи крови неповинной внука Петра великаго.

Гольштинскіе солдаты, оставшіеся въ Ораніенбаумѣ, обезоруженные, также участвовали въ похоронной процессіи.

Глубокая печаль была изображена на лицахъ ихъ.

На другой день Екатерина приказала отослать Гольштинцевъ въ ихъ отечество. Ихъ посадили на дурное судно, которое тутъ же близь порта утонуло.

Нѣкоторые спаслись на каменья, другіе пустились вплавь по берегу, но адмиралъ Талызинъ отказался подать имъ помощь, говоря, что онъ не смѣетъ этого сдѣлать, не доложа напередъ государынѣ.

ПИСЬМО ГР. ОРЛОВА КЪ ЕКАТЕРИНѢ ИЗЪ РОПШИ.

„Матушка! милосердая государыня!

Какъ мнѣ изъяснить и описать, что случилось — не повѣришь вѣрному рабу твоему; но какъ предъ Богомъ скажу истину.

Матушка, готовъ иттить на смерть, погибли мы когда ты не помилуешь.

Матушка! его нѣтъ уже болѣе на свѣтѣ! но никто сего не думалъ и какъ задумать поднять руку на государя — но государыня совершилась бѣда — мы были пьяны и онъ тоже — онъ заспорилъ за столомъ съ княземъ Ѳеодоромъ*) неуспѣли мы рознять, а его уже и не стало, сами не помнимъ, что сдѣлали, но всѣ до единаго виноваты, достойны казни, помилуй меня хоть для брата, повинную тебѣ принесъ и разыскивать нечего, прости или прикажи скорѣй кончить, свѣтъ не милъ, прогнѣвили тебя и погубили души на вѣкъ“.

При полученіи сего письма Екатерина сидѣла на балконѣ во дворцѣ и пила кофе; прочитавъ письмо и не показавъ ни малѣйшаго смущенія, спрятала письмо въ карманъ и продолжала разговоръ съ окружавшими ее дамами о предметахъ совсѣмъ постороннихъ.

Въ первые часы своего правленія Екатерина

*) Барятинскимъ.

находилась безпрестано среди народа, выслушивала жалобы, разбирала просителей и ко всѣмъ была милостива. Иностранные послы имѣли у ней аудіенцію, она всѣхъ ихъ обласкала.

Первымъ ея дѣломъ было отыскать домъ, въ которомъ жилъ Іоаннъ Антоновичь Ульрихъ, его нашли и перевезли въ Шлюсельбургскую крѣпость. Потомъ она наградила своихъ любовниковъ: Орловыхъ — графами. Григорій получилъ св. Александра Невскаго.

ОТРЫВОКЪ ТРЕТІЙ.

(Арестованіе Сперанскаго.)

Сперанскій былъ сосланъ на жительство въ Нижній-Новгородъ, гдѣ въ Августѣ и Сентябрѣ 1812 года графъ П. А. Толстой имѣлъ свою главную квартиру, по званію начальника III округа ополченія, которое тогда формировалось въ низовыхъ губерніяхъ.

Сентября 15, въ день коронаціи императора Александра Павловича, послѣ обѣда, состоявшій при графѣ Толстомъ, за адъютанта по ополченію, коллежскій ассесоръ Филимоновъ, получилъ приказаніе *немедленно* явиться къ графу *по весьма важному дѣлу*.

Прибывъ къ П. А., онъ застаетъ его съ запечатаннымъ конвертомъ въ рукѣ. Графъ подавъ ему конвертъ говоритъ: „поѣзжай сей часъ къ *Руковскому* (гражданскому губернатору), вручи ему этотъ конвертъ и не отходи ни на минуту, пока все не будетъ исполнено, а потомъ возвратись ко мнѣ, съ подробнымъ обо всемъ отчетомъ“.

Филимоновъ отправился по назначенію. Руковскій, прочитавъ содержаніе бумаги, возликнулъ: „Боже мой! кто бы это думалъ!“ и послалъ за частнымъ приставомъ, вмѣстѣ съ нимъ и съ Филимоновымъ, поѣхалъ въ квартиру Сперанскаго и объявилъ ему высочайшее повелѣніе отправиться въ тотъ же вечеръ въ Пермь.

Сперанскій былъ видимо встревоженъ, схватилъ себя за голову и послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ: „Ну я этого и ожидалъ... Надѣюсь однако же, господа, что не откажете дать мнѣ часъ времени, привести въ порядокъ кое-какія бумаги и написать одну бумагу“. Получивъ согласіе, онъ тотчасъ сѣлъ къ письменному столу и началъ писать. Между тѣмъ привели почтовыхъ лошадей и впрягли въ коляску Сперанскаго и въ карету Руковскаго. Сперанскій писалъ болѣе часу и кончивъ отдалъ Филимонову два запечатанныхъ конверта съ просьбою вручить ихъ графу Толстому.

Одинъ конвертъ былъ на имя графа, а другой на имя государя *въ собственныя руки*. — „Кланяйтесь графу“ сказалъ Сперанскій, и попросите его отправить какъ можно скорѣй, содержаніе его весьма важно. Послѣ того онъ собрался въ дорогу и, сѣвъ вмѣстѣ съ частнымъ приставомъ къ коляску, поѣхалъ по тракту въ Пермь. Губернаторъ Ру-

ковскій и Филимоновъ, въ одной каретѣ, провожали ихъ до первой станціи. Садясь въ коляску, Сперанскій былъ молчаливъ и по видимому убитъ духомъ.

Доѣхавъ до первой станціи, Филимоновъ поѣхалъ назадъ къ графу П. А. Толстому и вручилъ ему оба конверта. Графъ распечаталъ и прочиталъ тотъ который, былъ на его имя, а другой бросилъ на столъ съ словами: „*вздоръ!*“

Вотъ письмо на имя графа, оно было слѣдующаго содержанія: „Приношу вашему сіятельству слѣдующія мои всепокорныя просьбы.

1) Прилагаемое при семъ письмо доставить государю, при вашемъ донесеніи.

2) При отправленіи моего семейства оказать возможную помощь и снисхожденіе.

3) Врагамъ моимъ здѣсь, и разнымъ ихъ толкамъ, наложить молчаніе.

4) Наконецъ, и сіе для меня всего важнѣе, сохранить ваше обо мнѣ доброе мнѣніе. Оно всегда было для меня драгоцѣнно и, смѣю сказать, по чувствамъ моимъ и правиламъ я сего достоинъ.

Князю Егору Александровичу Грузинскому прошу кланяться“.

Письмо на имя государя не было послано и никогда не достигло своего назначенія. Въ послѣдствіи въ 1827 и 1828 годахъ, Сперанскій узнавъ

объ этомъ сказалъ (разумѣя графа Толстаго) „это на него похоже“.

Въ дополненіе надобно сказать, что въ тотъ день (15 Сентября) тотчасъ послѣ обѣдни, за нѣсколько часовъ до прибытія фельдъегеря съ высочайшимъ повелѣньемъ, Сперанскій былъ съ поздравленіемъ у гр. П. А. и тутъ въ первый разъ въ жизни, онъ увидѣлся и познакомился съ Карамзинымъ.

Высочайшій рескриптъ (собственноручный), полученный гр. Толстымъ, былъ подписанъ государемъ 8 Сентября, и заключалъ въ себѣ нѣсколько словъ касательно тогдашнихъ военныхъ обстоятельствъ и ополченія. Въ концѣ рескрипта было сказано: „при семъ прилагаю рапорть вице-губернатора Нижегородскаго о тайномъ совѣтникѣ Сперанскомъ. Если онъ справедливъ, то отправить сего вреднаго человѣка подъ карауломъ въ Пермь, съ предписаніемъ губернатору, отъ моего имени имѣть его подъ тѣснымъ присмотромъ и отвѣчать за всѣ его шаги и поведеніе“.

Рапортъ Нижегородскаго вице-губернатора Крюкова (чрезъ протекцію Сперанскаго въ эту должность опредѣленнаго) былъ на имя министра полиціи и заключалъ слѣдующее:

„6 числа настоящаго Августа въ день преображенія господня, когда я былъ на Макарьевской ярмаркѣ, здѣшній преосвященной епископъ Моисей,

по случаю храмоваго праздника въ каѳедральномъ соборѣ, давалъ обѣденный столъ, къ коему были приглашены и нѣкоторые изъ губернскихъ чиновниковъ.

Послѣ обѣдни былъ тутъ и тайный совѣтникъ Сперанскій, обѣдать однакоже не оставался, но между закускою онъ, занимаясь съ преосвященнымъ обоюдными разговорами, кои доведя до нынѣшнихъ военныхъ дѣйствій, говорилъ о Наполеонѣ и о успѣхахъ его предпріятій, къ чему Сперанскій дополнилъ, что въ прошедшія кампаніи въ Германіи, при завоеваніи ихъ онъ, Наполеонъ, щадилъ духовенство, оказывая къ нему уваженіе и храмовъ не допускалъ до разграбленія, но еще для сбереженія ставилъ къ нимъ караулы. Что слышали всѣ тамъ бывшіе чиновники, отъ которыхъ о томъ на сихъ дняхъ я узналъ. О чемъ долгомъ поставляю вашему высокопревосходительству всепокорнѣйше донести“.

Рапортъ этотъ Крюковъ писалъ, исправляя должность гражданскаго губернатора, который въ тотъ день былъ въ отсутствіи.

Нельзя не замѣтить, что не обративъ вниманія на слова рескрипта: „*Если онъ* (т. е. рапортъ) *справедливъ*, гр. П. А. распорядился безъ всякихъ распросовъ и изслѣдованій, сославъ Сперанскаго въ Пермь.

ПИСЬМО СПЕРАНСКАГО КЪ ГРАФУ П. А. ТОЛСТОМУ.

Пермь 4 Октября, 1812.

„Милостивый государь,
Графъ П. А.,

Сибирь есть земской рай въ сравненіи съ Пермью, ваше сіятельство были невольнымъ орудіемъ моей сюда ссылки: будьте нѣкогда благодѣтельнымъ посредникомъ моего отсюда возвращенія. Зная ваши благородныя чувства, не могу себѣ представить, чтобы вы согласились когда нибудь вѣрить сплетнямъ враговъ моихъ. Нелѣпость сихъ сплетень слишкомъ ощутительна и въ прочемъ сама собой откроется: когда только удостоятъ вопросами меня.

Между тѣмъ прилагаемое письмо прошу доставить сколь возможно скорѣе. Я въ немъ прошу одной милости насущнаго хлѣба, прежде мною заслуженнаго. Враги мои считаютъ у меня милліоны, а я, при безпримѣрной дороговизнѣ здѣшней и послѣ всѣхъ раззорительныхъ переѣздовъ, скоро буду нуждаться въ первыхъ потребностяхъ жизни.

Иванъ Сперанскій и проч.“

ОТРЫВОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

(Арестованіе Пестеля и 14 Декабря.)

Арестованіе Пестеля, оказавшагося главою бунта, произошло по слѣдующему поводу.

Вятскаго полка капитанъ Майборода, который зналъ о заговорѣ, писалъ въ 1825 г. къ императору Александру въ Таганрогъ объ этомъ, но государь пренебрегъ доносомъ, бросилъ его въ каминъ, сказавъ: *подлецъ, чѣмъ хочетъ выслужиться.**)

Майборода, видя, что по его письму не сдѣлано никакихъ поисковъ и что съ другой стороны бунтовщики хотѣли приступить къ скорѣйшему исполненію своихъ намѣреній, явился въ Ноябрѣ 1825 года къ командиру 3 пѣхотнаго корпуса Роту и просилъ его препроводить въ Таганрогъ письмо къ государю, заключавшее въ себѣ нѣчто важное, но Ротъ, не знавши содержанія онаго, на это сперва не соглашался, пока наконецъ Майборода открылъ ему свою тайну и прибавилъ, что Пестель отправилъ его въ Москву для покупки типографіи.

*) Слышалъ отъ фельдмаршала Дибича, находившагося въ это время въ Таганрогѣ при государѣ.

Ротъ,ославъ съ письмомъ симъ въ Таганрогъ своего адъютанта, объявилъ Майбородѣ что его арестуетъ до возвращенія адъютанта, но Майборода убѣждалъ его сего не дѣлать, говоря справедливо, что заговорщики, узнавъ о взятіи его подъ стражу, вѣроятно тотчасъ же начнутъ бунтъ, догадаются, что замыслы ихъ открыты, а посему онъ просилъ позволенія продолжать свой путь въ Москву, на что и получилъ согласіе.

Адъютантъ Рота (графъ Штейнбокъ, который въ проѣздъ свой въ Таганрогъ въ Декабрѣ останавливался у меня на сутки, по причинѣ льда шедшаго на Днѣпрѣ) не засталъ уже въ живыхъ императора и отдалъ депеши гр. Дибичу, который по содержанію ихъ, отправилъ генерала Чернышева къ главнокомандующему второй арміи гр. Витгенштейну для взятія подъ стражу Пестеля и для отправленія его въ Петербургъ, присовокупя, что могущую пасть на него отвѣтственность онъ принимаетъ на себя; Чернышеву же онъ приказалъ описать и опечатать всѣ бумаги Пестеля и сіе было исполнено слѣдующимъ образомъ.

Графъ Витгенштейнъ, получивши донесеніе гр. Дибича, послалъ приказъ въ ту дивизію, гдѣ находился Пестель, чтобы дивизіонные, бригадные и полковые командиры оной, не теряви времени, немедленно пріѣхали къ нему въ главную квартиру

и такъ какъ повелѣніе было общее для всѣхъ и не относилося до одного лица Пестеля, то сей, не подозрѣвая ничего, отправился въ одномъ экипажѣ съ своимъ бригаднымъ командиромъ въ главную квартиру въ Тульчинъ, но едва онъ туда пріѣхалъ, какъ у заставы его взяли подъ крѣпкій арестъ, а Чернышевъ поскакалъ въ Вятскій полкъ, гдѣ и нашелъ всѣ бумаги, уличившія Пестеля въ его злодѣяніяхъ. Пять дней спустя послѣ полученія изъ Петербурга сихъ извѣстій о бунтѣ, т. е. 6 Января, ко мнѣ пріѣхалъ курьеръ съ оффиціальнымъ отношеніемъ отъ Малороссійскаго генералъ-губернатора князя Рѣпина, что Муравьевъ-Апостолъ (подполковникъ Черниговскаго пѣхотнаго полка) 31 Декабря, оказавъ (какъ мнѣ писали), самые дерзкіе, буйные поступки противъ своего полковаго командира *Гебеля,* собралъ полкъ и пошелъ того числа въ городъ Васильковъ (Волынской губерніи), 1 Января онъ перешелъ къ селенію Мотиловкѣ, а 2 дневалъ близь села Гребенки Винницкихъ станковъ.

Во второй день 1 гренадерская и 1 мушкатерская роты, оставили его и присоединились къ корпусному своему командиру Роту, который при первомъ извѣстіи о мятежѣ собралъ близь стоявшія войска и повелъ ихъ противъ Черниговскаго полка.

Муравьевъ-Апостолъ между тѣмъ послалъ въ

находившіяся въ Полтавской губерніи имѣнія отца своего и въ другія мѣста своихъ сообщниковъ, дабы произвели бунты, однакоже нѣкоторые изъ сихъ лазутчиковъ были схвачены въ Кіевѣ и въ окрестностяхъ. Такъ какъ имѣніе Муравьева находилось въ расположеніи нашей 7 Дивизіи, то я немедленно далъ строжайшее предписаніе моей бригадѣ, чтобы полковые командиры удвоили бдительность свою въ сохраненіи порядка и подчиненности, чтобы всѣ офицеры были на своихъ мѣстахъ, а баталіонные командиры объѣзжали чаще свои роты.

Въ тоже время я приказалъ, чтобы проѣзжающихъ и проходившихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ Черниговскаго полка черезъ кантониръ-квартиры моей бригады арестовали, тоже бы дѣлали если узнаютъ не прокрадывается ли кто изъ сообщниковъ Муравьева, а равно брали бы подъ стражу не смотря ни на какое лице, военныхъ или во фракѣ, если кто по сему мятежу окажется подозрительнымъ. Съ сими распоряженьями я послалъ моего адъютанта, велѣлъ ему во время проѣзда стараться узнавать, что говорятъ и думаютъ жители и военные, а послѣ его возвращенія, я былъ намѣренъ самъ ѣхать въ Золотоношу, которая отстоитъ съ небольшимъ въ сто верстахъ отъ мѣста гдѣ происходилъ бунтъ.

Къ счастію на другой день утромъ я узналъ, что Муравьевъ, свѣдавъ, что за нимъ идутъ въ погоню съ войскомъ, перемѣнилъ свое намѣреніе идти черезъ Фастовъ на Брусиловъ, а пошелъ къ Бѣлой Церкви, въ надеждѣ овладѣть тамъ значительными денежными суммами, хранящимися тамъ у богатой помѣщицы графины Браницкой.

Генералъ Ротъ выступилъ съ конницею и конною артиллеріею къ Фастову, чтобы отрѣзать ему отступленіе, и послалъ генерала Гейсмара съ двумя орудіями и тремя эскадронами гусаръ къ деревнѣ Установкѣ, а 12 ротъ пѣхоты съ 4 орудіями отрядилъ съ Большаго-Пѣковецкаго на Бѣлую Церковь.

Такимъ образомъ окружили Муравьева со всѣхъ сторонъ. Гейсмаръ встрѣтилъ его у деревни Устиновки, мятежники начали стрѣлять и храбро защищались, но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ по нихъ изъ орудій, когда гусары бросились на нихъ въ атаку, положили оружіе. Главные защитники Муравьева были ранены; одинъ братъ убитъ, а третій взятъ. Между тѣмъ какъ сіе происходило, начальникъ нашей 7 дивизіи Ушаковъ, свѣдавъ о семъ бунтѣ, немедленно велѣлъ двумъ ротамъ вступить въ деревню Муравьевыхъ въ Миргородскомъ уѣздѣ, запечатать и взять ихъ бумаги. Въ нихъ нашли рѣчи къ народу, проэктъ объ вольности, раздѣленіе Россіи на 3 главныя

части, на Южную, Сѣверную и Среднюю, имена заговорщиковъ и разныя распоряженія на счетъ принятія въ общество и проч.

Сообщаю нѣкоторыя подробности о семъ бунтѣ.

Изъ Петербурга получено было въ Житомиръ съ фельдъегеремъ приказаніе взять подъ стражу командира одного гусарскаго полка Муравьева, и подполковника Черниговскаго пѣхотнаго полка Муравьева-Апостола, на основаніи чего поручили дивизіонному генералу Ридигеру арестовать гусарскаго командира Муравьева, а командовавшему 9 дивизіею Тихановскому взять подъ арестъ Муравьева-Апостола.

Ридигеръ, какъ умный человѣкъ, исполнилъ съ успѣхомъ данное ему порученіе, онъ пригласилъ къ себѣ полковника пить чай, и послѣ позвавъ его въ свой кабинетъ объявилъ о повелѣніи взять его саблю. Что же касается до Тихановскаго, то сей, получивши предписаніе отъ корпуснаго командира, передалъ оное по командѣ начальнику Черниговскаго полка Гебелю, который поѣхалъ въ Муравьеву-Апостолу на квартиру, но не засталъ его дома; ему сказали что онъ въ Житомирѣ. Гебель поскакалъ за нимъ въ Житомиръ, но по прибытіи услышалъ, что онъ изъ сего города уже выѣхалъ, вѣроятно потому, что былъ уже предувѣдомленъ. Гебель возвратился въ ту деревню, гдѣ кварти-

ровалъ Муравьевъ и нашелъ его въ одномъ изъ ротныхъ дворовъ его батальона, спросилъ у него чаю, и не говоря ему о причинѣ своего пріѣзда, поджидалъ солдатъ, которымъ онъ велѣлъ къ себѣ явиться. Не видя однакоже сихъ послѣднихъ, онъ объявилъ Муравьеву о повелѣніи взять его подъ арестъ; сей отдалъ ему хладнокровно шпагу, послѣ чего Гебель вышелъ въ другую комнату, гдѣ увидѣлъ спавшаго брата Муравьева; подлѣ его постели лежали на столѣ два заряженные пистолета, которыхъ Гебель не имѣлъ предосторожности взять къ себѣ, но только ссыпалъ порохъ съ полокъ, и потомъ положилъ пистолеты на столъ. Послѣ сего онъ вышелъ въ кухню, все еще ожидая солдатъ, но въ то время вошли въ кухню нѣсколько офицеровъ Черниговскаго полка, начали говорить Гебелю, что онъ подлецъ, что онъ арестуетъ благодѣтеля ихъ Муравьева, и когда Гебель изумленный таковыми дерзостями, началъ имъ возражать, то одинъ изъ офицеровъ ударилъ его кулакомъ, а другіе бывшіе тутъ офицеры, поваливъ его на полъ, начали его колоть шпагами.

Въ сіе время вбѣжалъ Муравьевъ, который тоже полковнику нанесъ ударъ рукою, на что сей послѣдній вскричалъ: „гдѣ же ваша филантропія?“ подразумѣвая, что за нѣсколько дней Муравьевъ за обѣдомъ у него возставалъ противъ тѣлесныхъ наказаній.

Между тѣмъ пришли солдаты и Гебелю въ суматохѣ удалось уйти изъ избы на улицу, тутъ онъ встрѣтилъ поляка, который желалъ спасти его, помогъ ему перелезть черезъ заборъ, но Гебель уже сильно израненный упалъ, и сломалъ себѣ руку и ногу. Потомъ полякъ положилъ его на телѣгу и повезъ въ *Васильковъ,* гдѣ расположенъ былъ штабъ его полка. Дорогою онъ отморозилъ ноги, такъ что въ этотъ день всѣ бѣдствія казалось разразились надъ несчастнымъ Гебелемъ.

Къ довершенію злополучія, по пріѣздѣ въ Васильковъ, ему сказали, чтобы онъ туда не въѣзжалъ, ибо тамъ находились тоже взбунтовавшіяся роты, почему его привезли къ той части полка, которая пребыла вѣрна долгу и присягѣ.

Муравьевъ, принявъ начальство надъ Черниговскимъ полкомъ, не успѣлъ сохранить подчиненности между войсками, они предавались грабежу, насильствамъ и пьянству. Еслибы онъ дѣйствовалъ рѣшительно, то онъ могъ бы придти въ *Бѣлую Церковь,* гдѣ находился извѣстныя сокровища графини Браницкой, и гдѣ его ожидали, чтобы съ нимъ соединиться 4,000 человѣкъ, недовольныхъ своимъ состояніемъ; это были большею частію старинные Запорожскіе казаки, которыхъ Браницкая *укрѣпила* за собою несправедливымъ образомъ. Испугавшись многочисленнаго скопленія мужиковъ, она послала

къ Муравьеву спросить его, сколько онъ хочетъ взять съ нихъ денегъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ запретилъ своимъ солдатамъ грабить ихъ имѣнья. Но онъ не могъ повелѣвать своими движеньями, ибо власть его не основалася на законѣ и вмѣсто того, чтобы съ быстротою дѣйствовать, отъ чего вѣроятно зараза бунта распространилась бы и далѣе, ибо онъ вскорѣ могъ бы соединиться съ артиллерійскими ротами, офицеры коихъ тоже находились въ заговорѣ — онъ вынужденъ былъ уступить настоянію сихъ солдатъ и сдѣлалъ дневку, отъ чего войска, отряженныя для уничтоженія его успѣха, достигли цѣли своей. Во время четырехъдневнаго командованія своего, Муравьевъ имѣлъ вездѣ патрули и авангарды и бралъ всѣ военныя предосторожности; проѣзжавшихъ всѣхъ задерживали и приводили къ нему и онъ обыкновенно самъ ихъ допрашивалъ, становясь, въ подражаніе Наполеону, со сложенными на крестъ руками на грудь. Онъ походилъ лицемъ на бывшаго императора Французовъ, котораго онъ чтилъ какъ кумира по слѣдующему поводу.

Муравьевъ учился въ парижскомъ лицеѣ въ царствованіе Наполеона, который однажды посѣтилъ сіе училище и, войдя въ тотъ классъ, гдѣ сидѣлъ Муравьевъ, спросилъ, кто этотъ мальчикъ, и когда ему сказали, что онъ русскій, то Наполеонъ ска-

залъ „я побился бы объ закладъ, что это мой сынъ, потому, что онъ такъ похожъ на меня“. Сіи слова, упавшія съ такой высоты, произвели сильнѣйшее впечатленіе на душу мальчика, который былъ отъ природы одаренъ щедро, и не удивительно, что въ продолженіе кратковременнаго своего командованія бунтовщиками онъ старался подражать Наполеону, находя можетъ быть нѣкоторое подобіе въ положеніи своемъ съ тѣмъ, въ которомъ Наполеонъ былъ во время побѣга своего съ острова Эльбы.

Когда Черниговскій полкъ увидѣлъ себя въ необходимости пробиваться сквозь гусаръ, противу нихъ стоявшихъ, то построившись въ карэ онъ пошелъ съ примѣрнымъ мужествомъ на нихъ; офицеры всѣ находились впереди.

Я это слышалъ отъ того самаго гусарскаго подполковника, который командовалъ эскадронами противу Муравьева посланными, онъ присовокупилъ, что онъ удивился храбрости черниговскихъ солдатъ и опасался даже одно время, чтобы они не отбили орудій, дѣйствовавшихъ по нимъ, ибо они подошли къ нимъ на весьма близкое растояніе. Картечные выстрѣлы ихъ не остановливали и карэ не разстроили, но какъ только скомандовали гусарамъ въ атаку, то мятежники бросили оружіе.

Изъ сего заключить можно, что они не бывъ устрашены дѣйствіемъ артиллеріи не испугались

сабельныхъ ударовъ кавалеріи, но, что будучи увѣрены въ содѣйствіи гусаръ, они тотчасъ покорились, коль скоро увидѣли, что въ нихъ не имѣютъ сообщниковъ.

Когда въ произшедшемъ смятеніи послѣ кавалерійской атаки подполковникъ гусарскій проскакалъ мимо Муравьева, то сей закричалъ: „Спаси моего брата!“ а другой бывшій тутъ бунтовщикъ *Бестужевъ-Рюминъ* закричалъ одному гусарскому офицеру по французски: дайте мнѣ лошадь, я очень усталъ.

Этотъ Бестужевъ, впослѣдствіи повѣшенный, игралъ въ обществахъ роль шута, но не менѣе того былъ много употребляемъ заговорщиками, которые посылали его по всюду въ видѣ миссіонера или вербовщика, для сего онъ разъѣзжалъ по всей Малороссіи и возбуждалъ народъ противъ правительства, стараясь умножить число сообщниковъ.

Онъ служилъ въ л. г. Семеновскомъ полку, и во время случившагося тамъ произшествія въ 1820 году въ числѣ другихъ юнкеровъ былъ назначенъ въ Полтавскій пѣхотный полкъ.

Онъ зналъ многіе иностранные языки и одаренъ былъ счастливою памятью, но велъ себя столь вѣтренно, что надъ нимъ смѣялись.

Онъ былъ во многихъ домахъ принятъ на самой дружеской ногѣ какъ то: у генерала Раевскаго

въ Кіевѣ и бывшаго министра Трощинскаго, жившаго не далеко отъ Лубень.

Бестужевъ почти не служилъ въ полку и все разъѣзжалъ по Малороссіи, такимъ образомъ онъ часто бывалъ въ мѣстахъ расположенія нашей дивизіи, на которую онъ имѣлъ виды.

Онъ велъ обширную переписку на французскомъ языкѣ, на которомъ онъ очень хорошо изъяснялся. Я читалъ его письма у поэта Аркадія Родзянки. Его принимали всѣ, особенно дамы, какъ самаго милаго, любезнаго и веселаго собесѣдника, надъ которымъ можно забавлятся, но никому и въ голову не приходило, чтобъ человѣкъ столь разсѣянный и вѣтренный былъ заговорщикомъ. Будучи исполненъ чтенія французскихъ книгъ, особенно тѣхъ, которыя написаны были революціонными правилами, онъ былъ убѣжденъ въ несомнѣнности сихъ истинъ и не могъ представить, чтобы образованные люди не раздѣляли его мнѣній.....

Когда его взяли вмѣстѣ съ Черниговскимъ полкомъ, онъ сказалъ: „Меня наиболѣе удивляетъ, что гусары рѣшились ударить на насъ, тамъ было столько воспитанныхъ офицеровъ“. Черезъ три мѣсяца послѣ сего произшествія я имѣлъ случай видѣть Черниговской полкъ по слѣдующему случаю:

Я получилъ предписаніе, что 15 Апрѣля Черниговской полкъ, въ числѣ 800 человѣкъ назначен-

ный въ отдѣльный Кавказскій корпусъ, долженъ будетъ проходить черезъ расположеніе моей бригады.

Извѣстіе о бунтѣ Черниговскаго полка произвело въ С. Петербургѣ сильное впечатлѣніе, тамъ полагали, что бунтъ сильнѣе нежели въ самомъ дѣлѣ оный впослѣдствіи оказался, и не безъ причины думали, что первое покушеніе злоумышленниковъ будетъ обращено на корпуснаго командира Рота, который по сварливому своему характеру былъ весьма не любимъ. По сей причинѣ нашъ 3 корпусъ подчинили цесаревичу; велѣно командиру 4 корпуса Щербатову, расположенному около Кіева, и коего распоряженіями не были сначала довольны, принять дѣятельнѣйшія мѣры для укрощенія мятежа и въ тоже время прислали къ намъ генерала Демидова съ бланками государя и съ большимъ полномочіемъ, въ случаѣ смерти Рота, дѣйствовать по обстоятельствамъ.

Императоръ при отправленіи Демидова въ армію сказалъ: „Въ случаѣ сильнаго возмущенія 3 корпуса (состоящаго изъ 7 въ Полтавской губерніи, 8 и 9 стоящихъ на Волыни) стараться собрать 7 дивизію, на которую я больше всѣхъ надѣюсь“.

Сей отзывъ мнѣ и товарищамъ можетъ быть весьма лестенъ, ибо изъ нашей дивизіи никто не былъ замѣшанъ. Демидовъ говорилъ, что императора тревожило обстоятельство, что изъ карты

расположенія войскъ усматривалъ, что въ близи отъ Черниговскаго полка стояла артиллерія, и опасались чтобы артиллерійскіе офицеры къ нему съ орудіями не присоединились, чего дѣйствительно едва не случилось, потому что офицеры сіи, какъ въ послѣдствіи оказалось, принадлежали къ славянскому союзу.

Въ злополучный день 14 Декабря всѣ государственные чины и духовенство равно и дамы собрались утромъ въ Зимній Дворецъ для принесенія поздравленія императору Николаю Павловичу.

Можно себѣ представить сколь съѣздъ былъ великъ, какъ вдругъ разнесся слухъ, что Московскій полкъ взбунтовался и что вообще гвардія ненадежна.

Тогда государь одинъ вышелъ на площадь, за нимъ послѣдовали всѣ военные, кромѣ гр. Аракчеева, который остался съ дамами въ дворцѣ, говорили, что онъ спрятался въ дворцѣ на чердакѣ. Зная всеобщую къ нему ненависть, онъ не рѣшался явится на площадь.

Не такъ сдѣлалъ Милорадовичъ!

Отъ страха произведеннаго бунтомъ и отъ пушечныхъ выстрѣловъ, которые съ ужаснымъ трескомъ раздавались въ пустыхъ залахъ, дамы бывшія однѣ, объятыя страхомъ, попадали въ обморокъ. Императрица была въ отчаяніи, становилась на колѣни и молилась въ слезахъ, что весьма естественно.

Л. Г. Гренадерскій полкъ бросился во дворецъ, но былъ встрѣченъ саперным батальіономъ и пошелъ на площадь.

Въ эту минуту, когда Грен. полкъ бѣжалъ на площадь, комендантъ Башуцкій кричалъ имъ: „въ ногу! въ ногу!“ разумѣется, что это произошло отъ невѣденія, да и кому въ голову могло придти, что наши солдаты могли забыться.

Если бы это произнесъ другой, то осталось бы безъ вниманія, а такъ какъ это случилось съ Башуцкимъ, то и сей анекдотъ умножилъ число другихъ, про него разсказываемыхъ.

Командиръ Л. Г. Грен. полка полковникъ Стюрлеръ, убитый на площади, былъ рекомендованъ Александру Лагарпомъ.

В. к. Михаилъ Павловичь испросилъ позволеніе государя уговорить заговорщиковъ, подъѣхалъ къ карэ Л. Г. Грен. полка, въ сопровожденіи Васильчикова, началъ имъ говорить. Въ сіе время Кюхельбекеръ прицѣлился въ него, хотѣлъ спустить курокъ, но одинъ солдатъ выхвативъ ружье, сказалъ: „Развѣ вы не видите, что это его высочество.“

Меня увѣрялъ Родзянко, что онъ самъ видѣлъ, какъ Пушкинъ, сидя въ театрѣ, показывалъ сидящимъ подлѣ него портретъ убійцы герцога Берійскаго Лувеля съ надписью: урокъ царямъ.

ЕЩЕ ВЫПИСКИ ИЗЪ ЖУРНАЛА М. ДАНИЛЕВСКАГО.

(Царствованіе Александра I.)

Во время коронаціи въ 1826 году, цесаревичь Константинъ Павловичь, былъ въ Москвѣ, сказалъ императору, при Киселевѣ слѣдующее объ исторіи Карамзина, о которой зашла рѣчь: „Я былъ недавно въ Эмсѣ, гдѣ мнѣ было такъ скучно, что я прочиталъ всю исторію Карамзина отъ 1ой части до послѣдней и удивляюсь какъ покойный братъ мой позволилъ напечатать эту книгу, наполненную Якобинскими поученьями, прикрытыми витіеватыми, фразами. По моему въ исторіи надобно помѣщать одни числа, годы и имена безъ всякихъ разсужденій".

Во время коронаціи Московскіе жители встрѣчали цесаревича Константина Павловича съ восторгомъ и кричали ура! Ѣдучи вмѣстѣ съ Киселевымъ, онъ приказывалъ сердитымъ видомъ чтобы они перестали кричать, употребляя даже бранныя и

матерныя слова. На возраженіе Киселева, что жителей незачто бранить, цесаревичь отвѣчалъ: „Когда Кромвель въѣзжалъ въ Лондонъ, народъ его привѣтствовалъ громкими восклицаньями, Кромвель обратясь къ окружающимъ его сказалъ: слышите крики сіи, но ежели меня поведутъ на эшафотъ, то крики сіи тогда будутъ еще сильнѣе".

Вотъ нѣкоторыя анекдоты о покойномъ государѣ Александрѣ Павловичѣ, касающіеся до недовѣрчивости его и какой-то робости, составляющіе черту его характера. Любовница его Марья Антоновна Нарышкина сказывала, что онъ былъ очень робокъ, а кто лучше ея могъ это знать.

Она увѣряла, что на канунѣ такъ называемыхъ при дворѣ выходовъ онъ бывалъ грустенъ, онъ даже говаривалъ: „частному человѣку въ публикѣ нечего робѣть, mais c'est autre chose quand un souverain parait en public, tous les regards sont tournés vers lui, et les neuf dizièmes sont des malveillans, qui cherchent de découvrir en lui des défauts".

Однажды генералъ-адъютанты: Киселевъ, Орловъ и Кутузовъ, стоя во дворцѣ у окна, разсказывали другъ другу забавные анегдоты и хохотали. Вдругъ проходитъ императоръ, и они перестаютъ смѣятся, но появленіе его было столь внезапно, что на чертахъ ихъ лицъ видны были еще слѣды смѣха.

Черезъ нѣсколко минутъ государь посылаетъ за

Антоновну Нарышкину, однакожъ она не отвѣчала его пламени и имѣла любовниковъ, между прочимъ гр. Ожаровскаго.

Надобно знать, что государь приблизилъ его къ себѣ и назначилъ генералъ-адъютантомъ послѣ Фридланскаго сраженія, въ которомъ онъ лишился брата своего. Императору представили тогда, что въ убитомъ братѣ гр. Ожаровскій имѣлъ друга и все на свѣтѣ. Желая какъ можно утѣшить графа, государь сдѣлалъ его при себѣ генералъ-адъютантомъ, а Ожаровскій отплатилъ ему неблагодарностью, онъ завелъ любовную интригу съ Маріей Антоновной.

Государь пріѣзжаетъ однажды къ ней и застаетъ у нея графа Ожаровскаго, который спасся бѣгствомъ. Императоръ ѣдетъ за нимъ, но не настигаетъ. Возвратясь къ Маріи Антоновнѣ, онъ упрекаетъ ее, но она съ свойственною женщинамъ хитростью увѣряла въ своей невинности, говоря, что Ожаровскій былъ принятъ ею въ внутреннихъ ея комнатахъ, потому, что онъ Полякъ и по связямъ ея съ его матерью.

На этомъ все кончилось.

По прошествіи нѣкотораго времени, государь засталъ Ожаровскаго въ спальной своей любезной, и въ такомъ положеніи, что онъ былъ счастливый соперникъ. Кто на мѣстѣ государя не отомстилъ

бы дерзкому? Какой частный человѣкъ удержался бы въ порывѣ своего гнѣва? Посмотримъ что сдѣлалъ Александръ. Онъ призвалъ къ себѣ гр. Ожаровскаго и сказалъ ему: „похититель сердца Марьи Антоновны! ты отнялъ у меня послѣднюю отраду, единственное утѣшеніе, которое я имѣлъ на свѣтѣ, ты лишилъ меня благополучія. Мы не можемъ быть болѣе на дружеской ногѣ, на которой мы находились; по прежнему ты будешь генералъ-адъютантъ, я тебѣ ни въ чемъ не откажу — *вотъ все мое мщеніе*“. —

Дѣйствительно гр. Ожаровскій, который имѣлъ духъ послѣ сего объясненія оставаться при дворѣ, получалъ много наградъ.

Бокъ извѣстный своей перепискою съ государемъ Александромъ Павловичемъ и заключеньемъ своимъ въ Шлюсельбургскую крѣпость. Писавъ къ государю, онъ начиналъ словами:

Mortel! вмѣсто Sire!

Полковникъ Бокъ, котораго я знавалъ въ арміи какъ офицера отличной храбрости, писалъ неоднократно къ государю Александру Павловичу и сообщалъ предположенія свои о конституціонномъ правленіи. Не знаю, замѣтилъ ли его величество въ нихъ непозволительное вольнодумство, или по какимъ либо другимъ причинамъ, но запечатавъ полученныя отъ него письма и предложенія въ

одинъ пакетъ, отправилъ ихъ къ маркизу Паулуччи съ приказаніемъ отослать Бока въ Шлюсельбургскую крѣпость. Въ собственноручномъ же его величества письмѣ писанномъ къ маркизу по сему предмету, сказано: что государь судя по образу мыслей Бока, полагаетъ, что лучше бы было отсрочить на нѣкоторое время *вольность крестьянъ*. „Нѣтъ отвѣчалъ Паулуччи, правительство не должно показывать послабленія и такъ какъ оно обѣщало дать свободу, то должно и сдержать свое слово“. Императоръ соглашался съ нимъ.

Вотъ что мнѣ сказывалъ фельдмаршалъ графъ Дибичъ:

О назначеніи Николая Павловича наслѣдникомъ престола при жизни Александра никто не зналъ, кромѣ двухъ особъ: Митрополита Филарета и князя Голицына. Государь, повѣрявшій мнѣ многія тайны, не говорилъ мнѣ объ этомъ никогда ни слова. Однажды мы были съ нимъ въ поселеніяхъ, и онъ, обращаясь къ в. к. Николаю Павловичу, сказалъ ему: „Тебѣ надобно будетъ это поддержать“. Я ничего другаго изъ сихъ словъ не заключилъ, какъ то, что судя по лѣтамъ Николая Павловича онъ показалъ, что онъ переживетъ государя и цесаревича — будетъ ихъ преемникомъ. Елисавета Алексѣевна, бывшая въ послѣдніе годы единственнымъ другомъ Александра, не знала даже ничего

объ отреченіи Константина Павловича: вотъ тому доказательство.

Когда въ Таганрогѣ болѣзнь Александра не подавала уже никакой надежды на выздоровленіе, князь Волконскій совѣтовалъ лишь спросить у императрицы: къ кому, въ случаѣ кончины государя, должно будетъ относиться мнѣ какъ начальнику штаба его величества? ибо положеніе мое было весьма затруднительно, я оставленъ начальникомъ арміи въ такое время, гдѣ открываются случаи безпрерывныхъ заговоровъ.

Я не рѣшался лично предложить императрицѣ сего вопроса, не желая нанести ей огорченія, да и хотя пользовался ея милостями, но однакоже не въ такой степени, какъ князь Волконскій, который былъ другомъ царской фамиліи, потому и настоятельно просилъ его принять на себя объясненія съ государынею. Онъ не иначе на сіе согласился, какъ съ условіемъ, чтобы и я тутъ-же находился.

Мы вошли съ нимъ вдвоемъ въ комнату государя, лежащаго въ забытіи, и князь Волконскій, подойдя къ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, сказалъ ей, что я, какъ начальникъ штаба, прошу ее, къ кому, въ случаѣ несчастія, мнѣ должно будетъ относится.

— Развѣ государь такъ боленъ — спросила императрица — что уже надежды нѣтъ?

— Богъ одинъ можетъ помочь и спасти госу

даря; однакоже спокойствіе и безопасность Россіи требуютъ, чтобы на всякій случай приняты были надлежащія мѣры.

— Разумѣется — сказала императрица, что въ несчастномъ случаѣ, надобно будетъ относится къ Константину Павловичу. —

Сіи слова явно доказываютъ невѣденіе государыни о томъ, кто былъ назначенъ наслѣдникомъ престола.

Мы полагали съ к. Волконскимъ, что у покойнаго государя Александра Павловича было завѣщаніе, ибо онъ имѣлъ при себѣ безпрестанно конвертъ съ бумагами, котораго онъ никогда не оставлялъ. Когда мы по смерти его вскрыли сіи бумаги, то нашли, что въ нихъ были написаны какіе то молитвы. „Первоначальное мое воспитаніе на счетъ религіи, сказалъ мнѣ однажды императоръ, было весьма пренебрежено; Лагарпъ воспитывалъ меня въ духѣ своего вѣка, и я былъ, какъ и всѣ современники, не набоженъ, одинъ человѣкъ перемѣнилъ въ семъ отношеніи мой образъ мыслей“. Но кто былъ сей человѣкъ, сказалъ фельдмаршалъ, я не знаю и имя его осталось мнѣ неизвѣстно. „Меня спасло, присовокупилъ государь въ семъ разговорѣ, что я не былъ развратенъ (je n'ai pas été libertin), хотя я любилъ и любилъ всею душею Нарышкину, въ чемъ я искренно каюсь“.

Говоря объ Александрѣ, нельзя было не коснутся до его любимца гр. Аракчеева.

Я предлагалъ фельдмаршалу различные вопросы, на которые онъ мнѣ давалъ отвѣты; помѣщаю почти его собственные слова: „главнѣйшее достоинство гр. Аракчеева состояло въ томъ, что онъ былъ необыкновенно трудолюбивъ. Государь, чувствуя себя слишкомъ добрымъ, желалъ имѣть при себѣ человѣка строгаго, непоколебимаго, который бы дѣлалъ перевѣсъ его добротѣ, и для сего выборъ палъ на Аракчеева“.

Не смотря на всѣ доказательства расположенія къ нему государя, Аракчеевъ однакоже не входилъ въ кабинетъ государя иначе, какъ съ нѣкоторымъ страхомъ. Это было примѣтно на лицѣ его и въ этомъ онъ мнѣ самъ сознавался.

Когда государь меня сдѣлалъ начальникомъ штаба своего, то по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ тотчасъ началъ говорить мнѣ объ Аракчеевѣ.

„Ты въ немъ найдешь, сказалъ онъ, человѣка необразованнаго, но единственнаго по трудолюбію и усердію ко мнѣ; старайся съ нимъ ладить и дружно жить: ты будешь имѣть съ нимъ часто дѣло и оказывай ему возможную довѣренность и уваженіе“.

Во время убіенія любовницы его, императоръ находившійся въ Таганрогѣ, полагалъ, что ее убил

нарочно, изъ ненависти не къ ней, но къ графу Аракчееву, для того, чтобъ сего послѣдняго удалить отъ дѣла.

Тогда же графъ Аракчеевъ отдалъ странный или лучше сказать непозволительный приказъ, коимъ онъ, по случаю приключившейся ему болѣзни, назначилъ начальникомъ всѣхъ поселенскихъ войскъ г. Эйлера. Какъ будто можно кому либо, изъ командующихъ частію войскъ передавать власть другому. Сей непозволительный поступокъ хотя и былъ непріятенъ государю, однакоже онъ сказалъ мнѣ, что извиняетъ его болѣзненному состоянію.

До Ахенскаго конгресса государь, который былъ исполненъ республиканскихъ правилъ (qui avait l'âme républicaine), былъ преданъ конституціоннымъ правиламъ, но съ сего конгресса онъ началъ опять удалятся.

Государь Александръ, бывъ въ Крыму, сказалъ: „Если государю позволено, то я скоро переселюсь въ Крымъ и буду жить частнымъ человѣкомъ. Я отслужилъ 25 лѣтъ и солдату въ этотъ срокъ даютъ отставку“.

Государь Александръ хотѣлъ посредствомъ учрежденій генералъ-губернаторства ввести конституціонныя правила, начавъ съ того, чтобъ отъ каждаго генералъ-губернаторства находились нѣсколько депутатовъ; но это не удалось, потому, что пер-

воначальный выборъ генералъ-губернаторовъ былъ неудаченъ.

Рѣчь зашла о 14 Декабрѣ. Фельдмаршалъ сказалъ мнѣ, что императоръ Александръ зналъ, что былъ заговоръ; также ему было извѣстно, что прекратили члены свои засѣданія въ 1822 году.

Онъ молчалъ и когда возникъ вновь заговоръ, то онъ намѣренъ былъ въ исходѣ 1825 года велѣть ихъ схватить, но кончина ему въ томъ воспрепятствовала.

Государь почиталъ это пустяками, а себя слишкомъ твердымъ на престолѣ.

Изъ сихъ словъ самой довѣренной особы, каковъ былъ графъ Дибичъ, надобно заключить, что слухи о заговорѣ имѣли вліяніе на кончину государя — несправедливы.

„Dans deux jours, ou je suis mort, ou je suis votre souverain“ было сказано въ письмѣ Николая Павловича къ графу Дибичу отъ 12 Декабря 1825 г.

Я встрѣтился съ Киселевымъ, мы разговаривали съ нимъ о дворѣ; вотъ что я отъ него слышалъ:

„Въ 1819 году государь Александръ Павловичъ возвращался изъ Варшавы, его провожалъ нѣсколько станціи цесаревичъ Константинъ Павловичъ, который самъ слѣдующее обстоятельство разсказывалъ Киселеву: я его помѣщаю въ видѣ разговора.

Александръ. Я долженъ сказать тебѣ любезный братъ, что я хочу *абдикировать*: я усталъ и не

въ силахъ сносить тягость правительства, я тебя предупреждаю, для того, чтобъ ты подумалъ, что тебѣ надобно будетъ дѣлать въ семъ случаѣ.

Константинъ. Тогда я буду просить мѣста втораго камердинера вашего, я буду служить вамъ, и ежели нужно чистить вамъ сапоги. Когда бы я теперь это сдѣлалъ, то почелъ бы подлостью, но когда вы будете не на престолѣ, я докажу преданность мою къ вамъ какъ благодѣтелю моему. — При сихъ словахъ императоръ Александръ поцѣловалъ меня такъ крѣпко, присовокупилъ цесаревичь, какъ никогда въ 45 лѣтъ не цѣловалъ.

Александръ. Когда придетъ пора абдикировать, то я тебѣ дамъ знать и ты мысли мои напиши къ матушкѣ.“

Слѣдовательно дагадки мои объ отреченіи Александра отъ престола, которыя я помѣстилъ въ запискахъ моихъ 1817 года, были справедливы. Государь хотѣлъ издать новые гражданскіе и уголовные законы и тѣмъ заключить свое царствованіе.

Марта 7, Николаевъ (страница 49).

Государь Александръ осматривая корабли въ Николаевѣ и разсуждая о подробностяхъ построенія сказалъ: au reste je juge comme un aveugle des couleurs. Я желалъ бы, чтобы тѣнь Петра Великаго не слыхала словъ сихъ.

ВЕЙМАРЪ:
въ типографіи
Г. Ушмана и Ко.

WEIMAR:
Druck von
G. Uschmann & Co.